Чжао Ханьюй
аспирант
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
г. Чита, Забайкальский край

КРИЗИС ОХРАННЫХ ПАРАДИГМ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И ПУТИ ВЫХОДА: О ПАРАДИГМАЛЬНОМ ПЕРЕХОДЕ ОТ «ОХРАНЫ» К «АКТИВАЦИИ»

Аннотация: *с момента принятия ЮНЕСКО в 2003 году Конвенции об охране нематериального культурного наследия охрана НКН превратилась в глобальное культурное движение. Однако традиционные охранительные парадигмы – музеефикация, индустриальное освоение и живое наследование в сообществах – наряду с достижениями всё более обнаруживают присущие им трудности. В статье систематически исследуются внутренняя логика, исторический вклад и структурные противоречия трёх названных парадигм. Выявляются «деконтекстуализационный» тупик музеефикации, риск «смыслового опустошения» при индустриальном освоении и кризис «эрозии культурной почвы» в живом наследовании. На основе критического анализа обосновывается необходимость парадигмального перехода от «охраны» к «активации». Предлагается «дизайн-активация» как новый путь культурного наследования, ядро которого составляет творческая трансформация формы и возрождение смысла, позволяющие НКН вновь устанавливать связи с чувствами, потребностями и жизнью современного человека.*

Ключевые слова: *нематериальное культурное наследие, охранительная парадигма, музеефикация, индустриальное освоение, живое наследование в сообществах, парадигмальный сдвиг, дизайн-активация.*

Нематериальное культурное наследие (далее – НКН) представляет собой категорию культурной охраны, официально учреждённую ЮНЕСКО с принятием в 2003 году «Конвенции об охране нематериального культурного наследия». Она охватывает устные традиции, исполнительские искусства, социальные практики,

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ритуалы и праздничные действа, знания и практики, касающиеся природы и вселенной, а также традиционные ремёсла. В отличие от материального культурного наследия, сущностной характеристикой НКН является его «живая природа»: не материальная субстанция, а текучая культурная жизнь, пребывающая в человеческой практике, переживании и памяти.

Именно эта «живая природа» превращает охрану НКН в уникальную по своей трудности проблему. Охраняя старинное здание, можно отреставрировать его стены и контролировать среду; но, когда речь идёт о народной песне, технике вышивки или праздничных ритуалах, действовать теми же способами невозможно. Песня существует в звучании голоса, вышивка – в диалоге пальцев с иглой, ритуал – в со-присутствии людей в определённое время и в определённом пространстве. Они должны именно «жить», чтобы существовать.

Это фундаментальное противоречие образует исходную точку всех трудностей охраны НКН. За двадцать с лишним лет после принятия Конвенции международное сообщество опробовало множество путей охраны, которые в настоящей статье сводятся к трём базовым парадигмам: музеефикация, индустриальное освоение и живое наследование в сообществах. Каждая из парадигм отвечает на определённый аспект потребностей охраны НКН, но одновременно несёт в себе трудно преодолимые структурные противоречия. Задача статьи – критически рассмотреть эти парадигмы и обосновать необходимость перехода от «охраны» к «активации».

Первоначальная охрана НКН была переносом опыта охраны материального наследия. С XIX в. в Европе сложилась музейная система: собирание, каталогизация, реставрация, экспонирование. Когда в конце XX в. возникло понятие НКН, к нему применили ту же методологию: если осязаемое наследие сохраняют через фиксацию и архив, то и неосязаемое – так же.

Это привело к глобальному движению фиксации: полевые группы, устные истории, видео ритуалов, аудиозаписи песен; ЮНЕСКО создала списки и архивную систему. Эти усилия бесценны – без них многие объекты исчезли бы со смертью последних носителей.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Логика музеефикации: фиксация – экстракция – застывание. Фиксация точно запечатлевает облик НКН; экстракция изымает материал из исконного пространства в архив или музей; застывание превращает его в неизменяемый «канонический текст». В архиве НКН – не живая практика, а застывшее документальное тело.

Достижения музеефикации велики, но её внутренний дефект глубок: деконтекстуализация разрушает сущностные свойства НКН. Смысл НКН не в изолированном «произведении», а в связях с культурным контекстом: ситуацией использования, социальной функцией, местом в системе знаков. Это «смысловое поле»; вне него знаки – лишь формальные фрагменты.

Экстракция разрывает эту сеть. Зритель архивного видео видит танец, но не чувствует температуры и коллективной эмоции ритуальной площадки; слышит мелодию, но не понимает ожиданий, которые несла песня. НКН в архиве – как рыба, вынутая из реки: форма сохранена, жизнь угасла.

Понятие «ауры» Беньямина применимо к НКН даже сильнее, чем к визуальным искусствам. Аура НКН – в телесности действия, со-присутствии участников, имплицитном знании, передаваемом из рук в руки. Жест мастера, взгляд, импровизационная поправка – эти не фиксируемые детали и составляют ауру. Архив фиксирует форму жеста, но не его силу; снимает взгляд, но не улавливает теплоту. Это самые ценные и уязвимые измерения НКН. Если в момент успешной «охраны» НКН утрачивает живую природу, сам смысл слова «охрана» требует пересмотра.

Перед лицом хронического дефицита финансирования и под давлением рыночной экономики в конце XX века зародилась иная парадигма – индустриальное освоение. Её стержневая идея: придать НКН экономическую ценность и через рыночный механизм обеспечить его устойчивую самоохрану. С одной стороны, охрана НКН требует длительных инвестиций, а государственных средств не хватает. С другой – элементы традиционной культуры превращаются в «культурные ресурсы»: туристы платят за сувениры «ручной работы», потребители покупают

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

товары с ярлыком «НКН» как символ культурного вкуса. Индустриальное освоение быстро стало магистральным дискурсом: от сумок с сычуаньской вышивкой до футболок с японской гравюрой – элементы НКН проникли в потребительскую культуру. Некоторые ремёсла, находившиеся на грани исчезновения, были «активированы» рыночным спросом и восстановили преемственные цепочки.

Внутренняя логика индустриального освоения сводится к трём шагам: **извлечение знака – ценностное преобразование – рыночное обращение**. Культурные ресурсы деконструируются на «элементы» (узор, цвет, мелодия); элементы встраиваются в товарное производство; культурные товары поступают в обращение и реализуют стоимость через продажи.

Достижения бесспорны: индустриализация открыла экономическую основу охраны НКН, улучшила условия носителей, привлекла молодое поколение, расширила общественную осведомлённость.

Однако противоречия индустриального освоения остры. Логика рынка нацелена на максимизацию прибыли; логика культуры – на воспроизводство смысла. Логика прибыли подвергает элементы НКН трём трансформациям. **Упрощение** – сложное мастерство сводится к конвейерным операциям. **Фрагментация** – целостная культурная система разбирается на «точки привлекательности». **Десенсибилизация** – глубинные смыслы отфильтровываются; остаётся «безопасная» формальная оболочка.

В результате огромная масса продукции обнаруживает черты «нигилизма нематериального наследия»: внешне изобилует традиционными элементами, внутренне лишена культурного содержания. Узоры, использовавшиеся лишь в определённые праздники, печатаются на повседневной посуде; знаки, несшие тотемические смыслы, превращаются в брелоки. Ручная вышивка заменяется машинной печатью, глубокий нарратив сжимается до слогана «нематериальное наследие». По словам одного китайского мастера серебряных дел народности мяо: «Им нужен только «вид», но не нужен «смысл».

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Критики утверждают, что индустриальное освоение искажает ценность НКН: оно заслуживает охраны именно как воплощение человеческой креативности, не измеряемой экономической стоимостью. Когда рыночная логика становится господствующей, «экономически невыгодные» объекты – исчезающий язык малого народа, танец, связанный с религиозным ритуалом, – маргинализуются. Следует, однако, признать, что равновесие между коммерческой и культурной логиками возможно. Ключевое значение имеет глубина понимания культурного ядра, готовность встраивать нарратив, включение носителей традиции в дизайнерские решения. Но такое равновесие в нынешней практике – меньшинство; чаще коммерческая логика односторонне подавляет культурную.

В ответ на тупик музеефикации и чрезмерной коммерциализации возникла третья парадигма – живое наследование в сообществах. Подлинный носитель НКН – не музей и не рынок, а живая культурная практика сообществ. В центре охраны не «предмет», а «человек»: выращивание носителей традиции, поддержание культурного пространства, общественное участие.

Парадигма опирается на антропологический культурный релятивизм: каждая культура целостна и уникальна. НКН – не отдельное «произведение», а способ самопродолжения сообщества. Задача – не спасать извне, а создавать условия, при которых сообщества продолжают практику по своей воле. Статья 15 Конвенции 2003 г. предусматривает участие сообществ; на практике это системы аттестации носителей, этнокультурные заповедные зоны, центры передачи мастерства.

Мировая практика разнообразна: в Восточной Азии развит институт носителей (Китай с 2007 г. – четырёхуровневая система; Япония с 1950-х – «живые национальные сокровища»). Этнокультурные зоны охраняют НКН вместе с природной и социальной средой (Южно-Фуцзяньская, Хуэйчжоуская в Китае). Партисипативная охрана в Юго-Восточной Азии и Африке передаёт решения сообществам.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Теоретически наиболее близкая сущности НКН, эта парадигма на практике сталкивается с эрозией культурной почвы: уклад, социальная структура, ценности и межпоколенческие связи традиционных сообществ системно деградируют.

Урбанизация уводит сельскую молодёжь; праздники угасают, диалекты теряются, уклад гомогенизируется. Условия наследования вышивки – совместные занятия девушек под руководством старших – почти исчезли. Молодёжь не имеет времени учиться ремёслам и не идентифицирует себя с орнаментом, воспринимаемым как «устарелый» и «деревенский». Демография усиливает давление: к 2023 г. более 20% аттестованных национальных носителей НКН Китая умерли, среди живых более половины старше 70 лет. Ситуация «смерть человека – конец искусству» типична для всех стран.

Кризис обнажает парадокс: парадигма верна, но, возможно, неосуществима. Идейно она отвечает живой сущности НКН; реально «люди» покидают родную почву, жизненный мир распадается. Если НКН живёт только в исконной почве, а почва необратимо деградирует, остаются два пути: исчезнуть вместе с ней или быть пересаженным на новую почву. Здесь и обнаруживается необходимость «активации».

Музеефикация сохраняет «культурный ген», создавая резервную копию культурного многообразия, но жертвует жизнью НКН: форма сохранена, дух рассеялся. Индустриальное освоение даёт экономическую устойчивость, но рискует опустошить культурное ядро: став товаром, НКН деградирует до «точки продажи». Живое наследование ставит этический нижний предел – охрану ради людей и сообществ, – но опирается на системно деградирующую культурную почву. Общая проблема: ни одна парадигма не нашла равновесия между «сохранением» и «ростом» – они либо замораживают НКН, либо продают его, либо ждут плодоношения на оскудевшей почве. Подлинный вопрос: как в изменившихся условиях вернуть НКН жизненную силу? Здесь необходима концепция «активации».

Активацию нельзя отождествлять с охраной, использованием или креативной продукцией.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Охрана отвечает на вопрос «как обеспечить существование», активация – «как дать расти заново». Охрана оборонительна, активация творческая. Музейная парча сохраняет форму, но без живого духовного взаимодействия остаётся «спящей»; цель активации – пробудить.

Реконструкция стремится вернуть «первоначальный облик», предполагая идеальный прообраз. Но НКН всегда эволюционно; его сила – в адаптации при сохранении культурного гена. Активация уважает текучесть НКН, рассматривая эволюцию как здоровый культурный метаболизм.

Апроприация берёт форму, отбрасывая дух; активация хранит дух, видоизменяя форму. Это не приспособление традиции к современности, а их диалог на смысловой глубине.

Философски активация – событие «слияния горизонтов» (Гадамер). Понимание совершается во встрече «пред-рассудков» понимающего и «традиции» понимаемого: не замещение, а столкновение, диалог и слияние, рождающее новое смысловое целое. НКН несёт горизонт прошлого, дизайнеры и пользователи – горизонт настоящего. Их встреча кристаллизуется в продукте активации: не историческая копия и не беспочвенное творение, а новое смысловое тело, где традиция и современность взаимно обогащаются.

Если стержень музеефикации – «фиксация», индустриального освоения – «торговля», живого наследования – «продолжение», то дизайн-активации – «трансляция», перенос смысла.

Цель фиксации – верность, торговли – эффективность, продолжения – аутентичность, трансляции – возрождение смысла: сохраняя культурный ген, через творческое преобразование формы установить новые связи с опытом современного человека.

Возможность трансляции коренится в том, что жизнь НКН не тождественна одной исторической форме. Жизнь орнамента – не эталонный образец, а кристаллизованное понимание красоты, порядка и отношения человека к миру. Эта глубинная структура образует основу переводимости: понятая и схваченная, она может заговорить на новом формальном языке.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Дизайн – центральный метод трансляции. От чистого искусства он отличается работой в ограничениях (функция, материал, стоимость, запросы), от чистой техники – заботой о смысле и чувстве: не только «можно ли пользоваться», но и «каково пользоваться». Эта двойственность делает дизайн естественным переводчиком между традиционной культурой и современной жизнью.

Дизайн-активация не отрицает три существующие парадигмы, а синтезирует и преодолевает их: от музеефикации наследует сохранение культурного гена, от индустриального освоения – экономическую жизнеспособность, от живого наследования – охрану ради человека. Всё это сплавляется в творческом видении: живое НКН означает не просто «ещё есть», но «всё ещё растёт».

В статье осуществлён критический анализ трёх магистральных парадигм охраны нематериального культурного наследия и обоснована необходимость парадигмального перехода от «охраны» к «активации».

Музеефикация – необходимый первый шаг: фиксация и архивирование являются базовым средством спасения культурной памяти. Однако её логика приводит к тому, что НКН, будучи сохранённым, утрачивает собственную жизнь. Индустриальное освоение обеспечивает экономическую жизнеспособность, но подавление коммерческой логикой культурной ввергает массу продуктов в нигилизм «внешнего без внутреннего». Живое наследование в сообществах ближе всего к живой сущности НКН, но деградация культурной почвы делает эту идею всё более труднодостижимой.

Тупики трёх парадигм указывают в одном направлении: охрана НКН нуждается в парадигме, которая не «замораживает», не «продаёт» и не оставляет НКН на произвол судьбы, но через творческое преобразование формы позволяет заново обрести точки роста смысла. В статье предложена концепция «дизайн-активации»: рассматривать дизайн в качестве метода «смысловой трансляции» – на основе глубокого понимания культурного ядра НКН ввести традицию и современность в диалог и слияние на смысловой глубине.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Дальнейшие исследования должны быть продолжены в трёх направлениях: теоретическое конструирование (чем активация в ценностном отношении отличается от охраны), методологическая разработка (система рабочих методов дизайн-активации, включая критерии оценки успешности активации) и эмпирическая проверка. Эти вопросы очерчивают направления дальнейших исследований.

Список литературы

1. UNESCO. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. – Paris : UNESCO, 2003.

2. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин; пер. с нем. – Москва : Медиум, 1996.

3. Гадамер, Х. -Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х. Гадамер; пер. с нем. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.

4. Ван, Вэньчжан. Введение в нематериальное культурное наследие / Вэньчжан Ван. – Пекин : Культура и искусство, 2006.

5. Kirshenblatt-Gimblett, B. Intangible Heritage as Metacultural Production / B. Kirshenblatt-Gimblett // Museum International. – 2004. – Vol. 56, No. 1–2. – P. 52–65.

6. Brown, M. F. Heritage Trouble: Recent Work on the Protection of Intangible Cultural Property / M. F. Brown // International Journal of Cultural Property. – 2005. – Vol. 12, No. 1. – P. 40–61.

7. Ассман, Я. Культурная память / Я. Ассман; пер. с нем. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

8. Кассирер, Э. Философия символических форм : в 3 т. / Э. Кассирер; пер. с нем. – Москва : Академический проект, 2011.

9. Юань, Ли. Наука о нематериальном культурном наследии / Ли Юань, Цзюнь Гу. – Пекин : Высшее образование, 2009.

10. Hafstein, V. Making Intangible Heritage: El Condor Pasa and Other Stories from UNESCO / V. Hafstein. – Bloomington : Indiana University Press, 2018. – 248 p.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)